

Выступление на Международной конференции «Конституция и конституционный контроль: Развиваем доктрину и совершенствуем практику»

11 мая 2023 года, г. Санкт-Петербург

Сессия I «Эволюция конституционного текста и конституционный контроль – опыт Российской Федерации»

Талия Ярулловна ХАБРИЕВА, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук

«Проекции технологической революции в конституционном регулировании»

Одним из факторов современного конституционного развития становится технологическая революция. Под ее влиянием мир стремительно меняется, утверждается новый технологический уклад, ядро которого составляют конвергентные технологии¹, способные повлечь сращивание антропо- и техносред, радикальное изменение сфер социального взаимодействия, в том числе государственного управления.

Право, несмотря на известный консерватизм, реагирует на воздействие этого фактора. Проекции технологической революции можно обнаружить не только в актах конституционного законодательства, но и в некоторых национальных конституциях. На уровень конституционного регулирования передаются вопросы, которые ранее не подлежали правовой регламентации.

¹ См.: Глазьев С.Ю. О неравномерности современного экономического роста как процесса развития и смены технологических укладов // Социология. 2013. № 4. С. 42–53.; Рязанцев А.П., Рязанцева Д.А. Интеграционные процессы и технологические уклады // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 16. С. 54; Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 129.

Теперь они опосредованы нормами высшей юридической силы. Такого рода новеллы конституционного законодательства неоднородны – это и нормы-цели, и нормы-принципы, и регулятивные нормы в составе разных конституционно-правовых институтов.

В конституциях появились разные варианты формулировок относительно новых объектов регулирования, например научно-технологического развития (Россия, Мозамбик и др.), новых технологий (Бразилия, Венесуэла), информационных и коммуникационных технологий (Боливия, Германия), инноваций, информационных услуг, национальной научно-технической системы (Венесуэла).

В некоторых конституциях государству вменяется в обязанность гарантировать, поддерживать и поощрять научно-технологическое развитие. В связи с этим к предметам ведения и (или) полномочиям органов публичной власти отнесены определение государственной политики в области научно-технологического развития, его обеспечения и поддержки (Россия, Боливия, Германия). Встречается установление обязанности частного сектора вносить свой вклад в создание национальной научно-технической системы (Венесуэла).

В других основных законах закреплены права человека на извлечение выгоды из научно-технического прогресса нации (Гватемала), на доступ к интернету и информационным технологиям (Индия, Исландия, Мексика, Судан), на использование достижений науки и техники (Индонезия). В проекте политической конституции Республики Чили, подготовленном Конституционным конвентом Чили, который был вынесен на национальный плебисцит (4 сентября 2022 г.), но не был поддержан, каталог общеизвестных прав человека дополнен правами: на доступную цифровую среду; участие в цифровом пространстве, его устройствах и инфраструктурах; цифровое образование; развитие знаний, мышления и технологического языка, а также на пользование его преимуществами; на свободное использование Интернета.

В качестве конституционных критериев допустимости создания и распространения новых технологий уже зафиксированы необходимость их соотнесения с религиозными ценностями («с высочайшим уважением» к ним) и «национальным единством», с целью «развития цивилизации и процветания человечества» (Индонезия), с этическими и правовыми принципами, «регулирующими исследовательскую деятельность в области науки, гуманизма и технологий» (Венесуэла), со служением людям, с уважением к жизни, физической и психической неприкосновенности (Чили), с общественным благополучием (Бразилия).

В целом можно констатировать, что в современных конституционных новеллах наметилось несколько тенденций:

- 1) признание научно-технологического прогресса в качестве конституционной ценности и приоритета общественного развития;
- 2) стимулирование научно-технологического прогресса;
- 3) обеспечение права человека на доступ к технологическим инновациям;
- 4) охрана конституционных, в том числе религиозных, ценностей от возможных негативных последствий технологической революции.

Характеризуя рассматриваемые новации, следует отметить, что они не являются отражением всеобщего тренда в конституционном развитии. Конституции большинства стран пока никак не отреагировали на технологические вызовы.

Россия в этом плане пошла дальше других государств. Обновленная в 2020 г. Конституция РФ содержит ряд положений, которые служат своеобразным ответом на вызовы нового технологического уклада. В числе ценностей общественного (в частности, социально-экономического) развития, возведенных на уровень важнейших ориентиров и приоритетов государственной политики (на федеральном и «региональном» уровнях), конституционное закрепление получили научно-технологическое развитие, наука и научный потенциал России как его источники. В результате

существенно расширен конституционно-правовой базис российской науки, укреплена историческая преемственность, когда наука была подлинным экономическим и социальным «локомотивом» общества.

Конституцией России по сути учреждена функция государства, состоящая в обеспечении научно-технологического развития и управлении этим процессом. Она зафиксирована в п. «е» ст. 71 посредством отнесения к предметам ведения Российской Федерации разработки соответствующих основ федеральной политики и программ, что означает неизменность государственного финансирования научных изысканий. Наряду с этим в состав полномочий Правительства РФ включено обеспечение государственной поддержки научно-технологического развития России, сохранение и развитие ее научного потенциала (п. «в¹» ст. 114). Наконец, самостоятельным направлением государственной деятельности признается «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (п. «м» ст. 71)².

Конституционную основу науки составляют не только статьи Основного Закона РФ, гарантирующие российским гражданам свободу научного и технического творчества и формирующие механизм реализации этой гарантии, но и другие конституционные новеллы, которые вследствие их полифункциональности создают «поле возможностей» для отечественной науки, в том числе:

² В ходе проектирования изменений к Конституции РФ члены рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ (создана распоряжением Президента РФ от 15 января 2020 г. № 5-рп) поддержали инициативу Натальи Ивановны Касперской о включении этого положения в ст. 71. В настоящее время пришло понимание того, что п. «м» ст. 71 в части «обеспечения безопасности личности, общества и государства» следовало сформулировать в более общем плане, не ограничивая угрозу только информационными технологиями и оборотом цифровых данных. Современный технологический императив – более сложный в содержательном плане, охватывает конвергентные и природоподобные технологии, поэтому государство и право, в том числе Конституция, должны создавать защитные механизмы от угроз, проистекающих из всего многообразия новейших технологий.

– нормы, направленные на совершенствование механизма обеспечения верховенства Конституции РФ на всей территории страны, а также призванные обеспечить отражение в Основном Законе и законодательстве обновленного концепта соразмерности универсального и национального (ст. 79, 125 Конституции РФ). Они позволяют сохранять необходимую для достижения национальных целей России «суверенность» отечественной науки и образования³;

– положения, расширяющие социальные гарантии граждан, приобретающие особую значимость, когда существенно возросла роль человеческого капитала – ученых и исследователей, творцов будущих открытий и технологий. Соответственно, меры их социальной поддержки становятся важным фактором развития отечественной науки. Она в свою очередь превращается в драйвер экономического роста Российской Федерации. Ситуация с разработкой вакцин от коронавируса – яркое тому подтверждение.

Следующим шагом должна стать конкретизация конституционных новелл в законодательстве о науке. Однако к настоящему времени новое конституционное регулирование в этой области не получило должного развития. С момента принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» различными субъектами права законодательной инициативы было разработано и внесено в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации лишь семь законопроектов о совершенствовании правового регулирования научной деятельности.

Большинство законов приняты в развитие изменений, внесенных в п. «е» ст. 71 Конституции РФ, в соответствии с которым к ведению Российской Федерации отнесено установление основ федеральной политики в области

³ См.: Указ Президента РФ 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

научно-технологического развития Российской Федерации, а также в ст. 114 Конституции РФ, наделяющих Правительство РФ полномочиями по обеспечению в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области науки и государственной поддержки научно-технологического развития. Два законопроекта, развивая положения п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которым общие вопросы науки отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, предполагают разграничение полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в регулируемой сфере деятельности.

Законотворческая деятельность должна продолжаться с опорой на обновленную Конституцию, которая, во-первых, формирует мировоззренческую парадигму, в некотором смысле идеологию социально-экономического развития России (на основе знаний и высоких технологий), включая критерии для определения пределов допустимого использования технологических инноваций. В Основном Законе нашли отражение и стимулы научно-технологического развития (в единстве науки как источника технологий и как результата научного поиска), и гарантии защиты от его нежелательных эффектов, причем для всех ключевых субъектов конституционных отношений – личности, общества, государства.

Во-вторых, в Конституции РФ созданы необходимые ориентиры для достижения стратегических целей России.

В-третьих, оформляется конституционная модель целой сферы общественной жизни, именуемой философами «техносферой» (или более широко – «антропо-техносферой»), с ее ценностными основаниями, институциональной и функциональной основами, объектами и субъектами правового взаимодействия, правовыми инструментами реализации государственных приоритетов, а также конституционными гарантиями безопасности личности, общества и государства.

Конституция России в преддверии своего 30-летнего юбилея вновь продемонстрировала прогрессивность. Такого отражения реалий нарождающегося технологического уклада нет ни в одной другой конституции мира.

Можно прогнозировать, что созданное конституционное регулирование будет подкреплено правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Например, как было указано выше, высока вероятность необходимости толкования положений п. «м» ст. 71 по мере развития новых технологий и их проникновения в различные общественные отношения. В государственно-правовой практике могут возникнуть и другие вопросы, на которые потребуются ответы Суда. Это не означает, что у Конституционного Суда РФ появилась новая функция, но можно предположить, что «научно-технологический сюжет» в обновленной Конституции расширяет границы конституционного контроля. Потенциально в них попадают акты реализации новых целей и приоритетов, вопросы правовой защищенности человека от негативных эффектов научно-технологического прогресса.

Конституционные положения создают новый контекст для систематического и телеологического толкования других конституционных норм, даже ч. 1 ст. 44 Конституции РФ. Кроме того, они могут служить критерием для оценки актов текущего законодательства и идейной основой для выводов Конституционного Суда РФ по конкретным делам. Подобный опыт уже имеется. Суд формирует практику разрешения споров и осуществляет толкование норм законодательства в следующих сферах: защита прав авторов (разработчиков) составных программ для ЭВМ⁴; определение правового статуса криптовалюты в качестве объекта

⁴ Например, Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» были защищены права авторов и составителей производных и составных произведений (компьютерных программ), которым суды могли отказывать в защите их прав на это произведение.

гражданских прав⁵; защита субъектов от распространения в Интернете сведений, не соответствующих действительности, их произвольного толкования, выборочной и тенденциозной подборки⁶. Следовательно, Конституционный Суд РФ вводит в правовое поле технологические инновации и общественные отношения, связанные с их использованием, обеспечивает корреляцию юридической формы этих отношений с конституционными установлениями. Еще более важно, что Суд постепенно сам формирует идейную основу для будущей модернизации конституционного регулирования, когда качественные изменения в правовой организации техногенного общества (цивилизации⁷) обусловят необходимость конституционных преобразований. Так, многие поправки к Конституции России 2020 г., например, о единстве системы публичной власти, были обоснованы Конституционным Судом РФ задолго до конституционной реформы⁸.

Таким образом, Конституционный Суд РФ можно считать элементом институциональной базы научно-технологического развития России и ее

⁵ Вопрос о правовом статусе криптовалюты был отнесен Конституционным Судом РФ к компетенции судей Определением Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 г. № 3440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Куклевой Ирины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 128 и пунктом 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации». Норма, дающая суду возможность отказать в защите прав авторов таких произведений была признана неконституционной, законодателю было предписано внести в нее изменения с тем, чтобы обеспечить баланс прав авторов составных произведений и законных интересов авторов программ, использованных для их создания.

⁶ Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой ООО «МедРейтинг» Суд разрешил конфликт между правом на частную жизнь и публичными интересами, основанными на общественной значимости профессии врача и правом населения на получение информации, в т.ч. на основе отзывов в сети Интернет.

⁷ См. подробнее: Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.

⁸ См.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020; Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М., 2021.

научного потенциала. Открывается новый ракурс деятельности Конституционного Суда, в котором проявляется его роль в отечественной модели регулирования научно-технологических процессов. Его «новая миссия» на основе обновленной Конституции России может стать ориентиром при поиске правовых ответов на вызовы технологической революции.

Что касается перспективы будущей коррекции (возможно, реформы) конституционного регулирования, то она видится вполне реальной именно в русле конституционного оформления правопорядка общества нового типа. Еще в 2018 г. В.Д. Зорькин констатировал нарастание «технологических» предпосылок существенной модернизации прежнего нормативно-правового регулирования различных сфер социальной жизни, а также зарождение «права второго модерна», регулирующего экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов и искусственного интеллекта⁹.

Прогноз о предстоящей конституционной модернизации (в глобальном масштабе) подкрепляется наблюдениями других ученых. Исследования показывают, что происходит, во-первых, активное освоение практики автоматического (на основе алгоритмической обработки данных) принятия многих публично-властных решений (логика которых неизвестна и непонятна людям). При этом технологии и алгоритмы не всегда подчинены общественными интересами, но они могут быть приспособлены к потребностям бизнеса¹⁰.

Во-вторых, наблюдается размывание традиционных политических и правовых моделей разделения полномочий между органами публичной власти и частными лицами (как правило, крупными, транснациональными

⁹ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума (2018) // <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/?ysclid=ljm4jm7m5b186385949>

¹⁰ См.: подробнее: Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. NY: Political Affairs, 2018.

компаниями)¹¹. Основная причина состоит в том, что форма реализации экономической свободы приобретает черты формы осуществления публичной власти. Например, частные компании, владеющие цифровыми платформами, могут де-факто интерпретировать гарантии правовой защиты основных прав и свобод, устанавливать частные стандарты их защиты в цифровой среде¹²; ограничивать основные свободы в социальных сетях, руководствуясь локальными актами¹³. Правоведы не без оснований видят в этом приобретение частными компаниями фактической и юридической возможности выполнять функции государства и полномочия органов публичной власти. При таких обстоятельствах исторически сложившаяся модель либерального конституционализма, где право ограничивать свободу и равенство является публичным, принадлежит только государству, реализуется в пределах его юрисдикции и ограничено национальной конституцией, уже не в полной мере отражает жизненные реалии¹⁴. В связи с этим в доктрине обсуждаются вопросы о потенциальной возможности, допустимости, перспективах и рисках конституционализации так называемых частных полномочий¹⁵ и конституционной институционализации их носителей, а также о коррекции механизмов осуществления публичной власти и определения ее легитимности.

В-третьих, зафиксированы риски использования цифровых технологий в избирательном процессе. В их числе: утверждение «кибердиктатуры», состоящей в навязывании стереотипов и ценностей разработчиков алгоритмов; усиление «цифрового неравенства» – дискриминации групп населения, не владеющих современными технологиями или просто не

¹¹ См.: подробнее: Zuboff Sh. Op. cit.

¹² См.: Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. 2018. №131 (1598).

¹³ См. подробнее: Micklitz H., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., De Gregorio G. (Eds.). Constitutional Challenges in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

¹⁴ См.: Mathieu B. Le droit contre la démocratie? Paris LGDJ, Lextenso Editions, 2017. Chapitre 2A. P. 207–216.

¹⁵ См.: Zuboff Sh. Op. cit.

имеющих к ним доступа; искажение результатов голосования и устранение граждан из процесса принятия решений¹⁶. Выводы ученых подтвердила Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия Совета Европы) в 2019 г. в докладе «Об использовании цифровых технологий в избирательных кампаниях». Комиссия констатировала актуальность и транснациональный масштаб проблемы, предложила некоторые меры (самого общего плана) ее решения, в том числе по совершенствованию институтов уголовного и уголовно-процессуального права, а также организационного и просветительского характера. Однако в докладе не обозначены перспективы использования потенциала конституционного регулирования, несмотря на то, что речь идет именно об этой предметной области и очевидно, что реагировать на формирующиеся угрозы конституционному правопорядку в этой части следует в конституционных координатах¹⁷.

В-четвертых, наблюдается коренная трансформация политических партий и общественных организаций. Уже существуют «сетевые» или «цифровые» политические партии: итальянское «Движение пяти звезд», испанская партия «Подemos», так называемые пиратские партии в Исландии. В России в 2020 г. была создана и зарегистрирована «Партия прямой демократии», заявившая о стремлении к внедрению технологий и методов прямой демократии на всех уровнях. Они строятся не по территориальному или «классовому», а по сетевому принципу, часто без индивидуального членства. Эти и подобные им формирования используют новейшие коммуникативные и информационные технологии, способные выводить на улицу десятки и сотни тысяч людей («желтые жилеты» во Франции – один из примеров)¹⁸.

¹⁶ См. подробнее: Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29.

¹⁷ См. подробнее: Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2020. С. 141–199.

¹⁸ См. подробнее: Ковлер А.И. Указ. соч. С. 5–29.

Трансформация отдельных элементов политической системы, в данном случае политических партий и общественных организаций, а также форм их взаимодействия с гражданами и государством способна привести к существенным изменениям в самой системе, которая опосредована конституционным регулированием. Интенсивность таких изменений может поставить на повестку дня вопрос о необходимости его коррекции.

В-пятых, усиливается тенденция к расширению сферы применения непосредственной демократии, в том числе для принятия решений, отнесенных к компетенции представительных институтов. Формируются предпосылки к становлению так называемой цифровой, а вслед за ней «безлюдной демократии», феномен которой связывают с развитием и использованием искусственного интеллекта, ростом доверия к нему граждан, «делегированием» ему функции волеизъявления «пользователя», в частности по политическим и правовым вопросам¹⁹. Такой вектор в целом не противоречит современным либеральным конституциям, напротив, в них можно найти прочные основания для подобной трансформации.

В сложившейся ситуации разумный баланс прямой и представительной демократии необходимо сохранять. Для этого предстоит использовать потенциал конституционного регулирования. В противном случае коренным образом может измениться парадигма участия граждан в управлении делами общества и государства, что едва ли станет благом для людей.

Таким образом, в зоне «сингулярности» оказались сразу несколько блоков конституционных отношений, обеспечивающих демократический характер современного государства.

Распространение конвергентных технологий затронуло и социальную структуру общества. В.Д. Зорькин констатировал данный факт, сфокусировав внимание на новом социальном классе, именуемом социологами

¹⁹ См.: Сурков В. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года // <https://www.russiapost.su/archives/265026>

«прекариат»²⁰. Это не единственная социальная общность, претендующая на роль гегемона в «алгоритмическом обществе» и производственных отношениях развивающегося «цифрового капитализма». В 2018 году заявило о себе новое сообщество, позиционирующее себя как «наиболее активная часть общества» (создатели и пользователи криптовалюты, виртуальных вещей и иных технологий), выступающее за расширение собственной автономии от органов публичной власти, отказ от посредников в общественных отношениях в лице банков и государства²¹. В будущем оно может стать актором в борьбе за политические права и политическую власть, политическую гегемонию. В этом случае вопросы о том, в чьих интересах будет осуществляться публичная власть и воля какой части общества будет доминировать в праве, по сути обуславливают возможные изменения сущности государства и права²².

Философы смотрят гораздо дальше. Например, академик РАН В.С. Стёпин, разделяя обеспокоенность Ф. Фукуямы²³, обращал внимание на то, что применение биотехнологий может создать резкое различие между индивидами в их биологической основе. Неодинаковая доступность технологий продления жизни, формирования качественно новых когнитивных способностей для разных слоев общества (богатых и бедных) может привести к формированию своеобразных каст – «высших» и «низших» рас (квазирас, биологических каст)²⁴. Картина будущих общественных трансформаций дополняется существующими в настоящее время программами создания нового типа субъектов деятельности, способных успешно выполнять работы в крайне опасных для обычных людей условиях (например, посредством создания киборгов или генно-модифицированных

²⁰ См.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 3-е изд., М., 2023.

²¹ См.: www.cryptomanifest.ru

²² См.: Хабриева Т. Я. Правосудие в социогуманитарном дискурсе глобальных общественных трансформаций // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (11). С. 17–23.

²³ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.

²⁴ См: Harari Yuval Noah «21 Lessons for the 21st Century». Random House, 2018.

индивидов). При таких обстоятельствах возникает вопрос о будущем парадигмы демократического уравнивания различных социальных сил, что, несомненно, входит в предмет конституционного регулирования²⁵.

Технологическая революция актуализирует проблему прав человека, прежде всего потому, что смена технологического уклада создает новый контекст реализации прав человека и новые угрозы этим правам²⁶. До сих пор в конституционной доктрине они рассматривались в аспекте защиты личности во взаимоотношениях с государством. Теперь проблема прав человека возникает еще и в связи с взаимодействием человека и технологий, вскрывает угрозы, значительно отличающиеся от традиционно существующих.

В центре внимания правоведов проблемы совершенствования юридических механизмов права на неприкосновенность частной жизни, защиты персональных данных и др. Эти проблемы также нашли отражение в упомянутом докладе Венецианской комиссии, снабженном самыми общими рекомендациями. Во введении авторы доклада оговорились, что пока не готовы предложить конкретных решений.

В практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) известен целый ряд дел о скрытом наблюдении за служащими на рабочем месте; о зависимости осуществления конституционных прав от воли других субъектов (например, провайдеров); о ненадлежащем обеспечении конфиденциальности при обработке уже оцифрованной персональной информации; о появлении дополнительных расходов на приобретение технических средств и гаджетов (например, обязательное использование электронных дневников школьников в многодетных семьях); и др.²⁷

²⁵ См.: Стёпин В.С. Идея права как социокультурный феномен. В кн.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН. М., 2019. С. 93–112.

²⁶ См.: Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

²⁷ См. подробнее: Ковлер А.И. Указ. соч. С. 5–29.

Угрозы человеку, которые несут конвергентные технологии, создают потребность в юридическом признании и защите его новых прав. В частности, возможность воздействовать на поведение людей посредством применения нейрокогнитивных технологий сопряжена с риском манипуляций разумом. В связи с этим выдвинута инициатива о включении во Всеобщую декларацию прав человека «нейроправ», в числе которых право на собственную личность, свободу воли, ментальную приватность, равный доступ к средствам расширения возможностей мозга и защиту от алгоритмической предвзятости²⁸. Известны и другие инициативы, например о законодательном закреплении права на защиту данных человеческого разума (нейроданных), справедливое распределение доступа к нейротехнологиям чтения и письма в мозге²⁹.

Существуют прогнозы об использовании нейротехнологий в социальном, в том числе правовом регулировании, что предполагает киборгизацию субъектов правоотношений. Воплощение такого масштабного проекта потребует решения проблем не только фундаментального, мировоззренческого порядка, но и прикладного характера, например, по формированию сети для подключения субъектов права, обеспечению ее локализации в рамках государства или, напротив, глобализации (регионализации). При этом неизбежно предстоит идентифицировать сеть в правовом поле. Возможные варианты такой идентификации подразумевают ее позиционирование в качестве институционально-технологической основы правопорядка (в этом случае сеть и технологии могут быть использованы для установления связи индивида с конкретным правопорядком, государством,

²⁸ См.: <https://www.reuters.com/article/us-global-tech-rights-idUSKBN28D3HK>; <http://www.humanrightscolumbia.org/events/neurorights-human-rights-guidelines-neurotechnology-and-ai>

²⁹ Законопроект от 7 октября 2020 г. (Boletín № 13.828-19 «Proyecto de ley, iniciado en moción de los Honorables Senadores señor Girardi, señora Goic, y señores Chahuán, Coloma y De Urresti, sobre protección de los neuroderechos y la integridad mental, y el desarrollo de la investigación y las neurotecnologías»). URL: <https://www.camara.cl/verDoc.aspx?prmID=14152&prmTIPO=INICIATIVA>; <https://www.senado.cl/defensa-de-los-neuroderechos-una-tarea-para-los-parlamentos-a-nivel-global/senado/2020-10-07/132033.html>

создания новой формы гражданства), объекта или субъекта правового регулирования. Нельзя исключать и комбинации решений, результатом которых будет некий «гибридный» статус подобной сети. При этом в теоретической проработке нуждаются вопросы о правовом положении человека, не подключенного к сети; о степени обязательности подключения, его форме (постоянной на основе кибернейроподключения или переменной путем использования коммуникаторов (смартфонов)). Важен поиск корреляций между предпочтениями, диктуемыми «технологическим императивом», технологическими решениями и фундаментальными правами человека, базовыми принципами права и конституционным регулированием³⁰.

Достижения в области развития конвергентных технологий, с одной стороны, обуславливают усложнение правового бытия человека, умножение миров, в которых он реализует свои интересы и правовые возможности, углубление дифференциации его социальных ролей и статусов. С другой стороны, они создают предпосылки для нивелирования правовых различий между человеком, его искусственными модификациями и цифровыми сущностями. В связи с этим философы, а вслед за ними и правоведы, работают над «формулой» идентификации человека в формирующейся антропотехносфере³¹. В частности, ведется поиск границы, до которой посредством новых технологий можно доводить человека до уровня машины и машину до уровня человека. Это означает, что с течением времени концепт человека может измениться не только в философских воззрениях, но и в праве. В этих условиях человек как существо биосоциальное будет трансформироваться сначала в «живого с вкраплениями техники», а затем в «технику с вкраплениями живого».

³⁰ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции. С. 5–17.

³¹ См.: Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. С.48–49.

Немалые угрозы человеку несут попытки наделить правосубъектностью искусственный интеллект³² и распространить на него права человека в конституционном смысле³³. Новый технологический уклад уже создает острую конкуренцию человека с высокотехнологичными интеллектуальными системами в производственной сфере. Правовое равенство между ними чревато тяжелыми последствиями для человека и общества. Об опасности искусственного интеллекта предупреждают видные представители данной индустрии, в числе которых Иллон Маск и Джеффри Хинтон³⁴. Однако сторонники правосубъектности искусственного интеллекта продолжают продвигать эту идею³⁵. Конституционные установления, например в части запрета подобной экстраполяции прав человека, могут оказаться уместными и целесообразными.

Таким образом, формирующиеся общественные отношения требуют правового опосредования на самом высоком – конституционном – уровне. В связи с необходимостью конституционного отражения нового экономического базиса, социальной структуры, а также закрепления ценностей, целей и приоритетов развития общества и государства (вероятно, в сложном сочетании элементов техногенного и традиционалистского типов цивилизации), пределов создания, распространения и использования технологических инноваций, прав человека, обеспечивающих его защиту от новых угроз и рисков техногенного характера, правовых гарантий

³² См., например: Резолюция Европейского парламента вместе с рекомендациями Еврокомиссии «Нормы гражданского права о робототехнике». Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL)) 27.1.2017 // OJ C 252, 18.7.2018. P. 239-257.

³³ См. подробнее: Морхат П. Право и искусственный интеллект. М., 2018.

³⁴ См.: <https://ria.ru/20230418/mask-1865963604.html?ysclid=ljmyqxmx1t87681802>;
https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/05/2023/6450c27a9a79477140712c42?ysclid=ljmyorw18y489961911

³⁵ См. подробнее: Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 2018. № 22 (3). С. 315–325; Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: научно-практическое пособие М., 2020; и др.

реализации этих прав у конституции и конституционного регулирования появляется новая миссия – сохранения человека как биологического вида³⁶.

Можно прогнозировать, что грядущее преобразование конституционного регулирования не ограничится расширением его сферы, пределов и предмета. Есть основания для обновления юридического и фактического составов (включая объект, субъекты и содержание) конституционных отношений. В результате возможно изменение конституционной модели организации общества и механизма осуществления публичной власти. Данные выводы имеют прогностический характер, но их горизонт не слишком велик и может оцениваться в 10–20 лет. Такие временные рамки вполне реальны, если принять во внимание ускорение темпов технологических и общественных трансформаций. Следует напомнить, что формирование так называемого индустриального общества заняло несколько столетий, появление «автомобильной цивилизации» – менее века. С официальной регистрации Интернета в 1983 г. и появления в 1989 г. World Wide Web прошло несколько лет, а спустя всего несколько десятилетий люди являются свидетелями становления новой реальности – «цифровой».

Согласно другому прогнозу право и конституция сохранят свою роль и значение в обозримом будущем³⁷, а значит, предстоит развитие соответствующих правовых механизмов. К этому следует готовиться как ученым, так и практикам. В частности, требуется:

- 1) провести диагностику сферы конституционного регулирования с целью выявления и идентификации в ней всего спектра общественных отношений, создающих новый технологический контекст для правового бытия человека, общества и государства. При этом важно преодолеть одностороннее влияние на них технологической революции. Правоведы

³⁶ См.: Хабриева Т.Я. Конституция России: об «альтернативах» прошлого и векторах настоящего // Конституция 1993 года: была ли альтернатива: материалы круглого стола (Москва, 16 января 2019 г.) / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2020. С. 22.

³⁷ См.: Хабриева Т.Я. Конституция России: об «альтернативах» прошлого и векторах настоящего. С. 7–22.

сфокусированы в основном на цифровой трансформации, однако революционные изменения человека и общества происходят по линии био- и нейротехнологий. Важно видеть полную картину, чтобы избежать фрагментарности в концептуализации идейной основы пересмотра предмета и границ конституционного регулирования, а также его модернизации;

2) ранжировать эти отношения с точки зрения возможности и объективной необходимости (в том числе в перспективе) урегулирования их нормами основного закона, как это было сделано в ходе подготовки поправок к Конституции РФ в 2020 г.;

3) готовить правовые модели и юридические конструкции, опосредующие эти отношения исходя из базовых конституционных ценностей и миссии основного закона в современном обществе;

4) провести ревизию научных «открытий» в сфере новых прав человека и дифференциацию соответствующих прав на базовые и производные в целях последующего адекватного правового оформления, достижения понятийной и нормативной определенности (с учетом отечественного опыта законодательного закрепления цифровых прав). Этому может способствовать практика ЕСПЧ, других судов по делам о защите прав человека от применения технологических инноваций государственными органами и частными субъектами;

5) оценить перспективы развития конституционализма в эпоху радикальных общественных трансформаций под влиянием конвергентных (и природоподобных) технологий и потребности в модернизации современной конституции.

При наличии столь разнообразных наукоемких проблем готовность доктрины будет служить залогом успеха любых правовых преобразований, поэтому концептуальные и проектные решения в отношении конституционного регулирования следует разрабатывать уже сейчас.